

Мстислав Леопольдович, эту нацию недавно чуть было не задушили еще одной революцией. Как вы думаете, это была последняя попытка реакции или стоит ожидать продолжения?

— Что значит — думаете? Тут можно только надеяться. Наши думы о счастье, к сожалению, не всегда приводят к положительному результату. Хотя лично я считаю, что события нынешнего октября — уже финиш. Народ снова выразил полное доверие президенту. Борис Николаевичу больше не на что ссылаться, пора в полную мощь проводить свои идеи и указы, касающиеся Конституции, приватизации и так далее. Страна должна пойти единым и совершенно иным путем, нежели тот, что был предыдущие семьдесят пять лет.

— Если бы сегодня вы встретились с Ельциным, что бы вы сказали ему прежде всего?

— То же, что и вам говорю. Сложилась другая ситуация. Ситуация для репутации действий. Глава России обязан оградить нас от подобных катаклизмов в будущем. Сделать невозможным их возникновение даже теоретически.

— Результат октябрьской битвы воспринят вами как победа или как национальная трагедия?

— Конечно, как трагедия. Но она свершилась во имя лучшего будущего. Его уже надули, прежде всего в провинции. Я побывал недавно в Нижнем Новгороде, Оренбуржье и увидел — там начинают жить по-новому. Правда, очень много времени мы разбазаривали. Первый, кто это сделал, — Горбачев. Его остановка на полпути, после чего он сбился и потерялся в своих идеях, разрушила огромную волну народного энтузиазма, на которой вскоре можно было построить замечательную жизнь. Вместо этого произошел августовский путч. А затем, как гидра, как трехглавый дракон,

новья возникла коммунистическая идея. У ее сторонников есть достаточно фанатизма, чтобы быть преданными тому бреду, и нет мужественности понять, что вернуть России этот режим можно только большой кровью. Если правосудие и на этот раз окажется в руках людей, подобных Зорькину и членам Конституционного суда, то очень скоро все преступники окажутся на свободе. И чем это кончится, думаю, не предскажет никто.

— В конце сентября вы сказали, что у Хасбулатова и Рукского не осталось никаких методов борьбы, кроме нечестных. И вот они их применили. Если бы вам сегодня доверили решать их судьбу, вы потребовали бы для них смертной казни?

— Пусть это все-таки решит суд. Единственное, что я сделал, — не стал бы отличать в их убежище свет и тепло, а попытался арестовать. Думаю, только такая репрессивная мера помогла бы избежать кровопролития.

— День, когда вас лишили советского гражданства, о чем вы узнали, ахулясь за границей, вы назвали одним из самых мрачных в жизни. Если судьба когда-нибудь пошлет вам окончательно вернуться в Россию, что станете там — в Европе, США?

— За двадцать лет изгнания я стал другим человеком. Меня обрели создатели новой жизни, с новым окружением, друзьями, профессиональными отношениями. Получилось так, что сейчас я ощущаю себя скорее человеком Земли, у которого в каж-

дой стране есть много хороших знакомых. Возможно, я — прототип всех будущих людей. Ибо если наше российское общество придет в нормальное состояние, то, кажется, и Америка, и Япония, и Европа окончательно превратятся в большой единый дом, где одна семья общается и помогает другой. А еще учтите технический прогресс. Я сейчас из Парижа в Нью-Йорк лечу за три часа. Съел обед — и уже на другом полушарии. Это дает ощущение единства со всей планетой.

— Вы состоятельный человек. Такое понятие, как быть, еще существует для вас?

— Как вам сказать... Я, безусловно, не думаю, что мне вечером необходимо сыграть концерт, чтобы утром позавтракать, но, с другой стороны, несмотря на то, что я человек обеспеченный, быт мой не налажен. Поскольку главным образом я живу в самолете. Мне же приходится выступать по всему миру, кроме стран Восточной Европы, которые, как и СССР, до последнего времени меня

Альтруизм Мстислава РОСТРОПОВИЧА неиссякаем: то он с автоматом в руках защищает президента в еще незапятнанном Белом доме, то поднимает моральный тонус нации, размахивая дирижерской палочкой у стен Кремля. То невдалеке от Московской кольцевой автодороги встречается с учениками музыкальной школы. Спустя час после встречи с молодыми дарованиями, сидя в "Волге", летеющей к центру столицы, бывший "музыкант-отщепенец" страстно говорил мне: "Этим ребятам обязательно нужно помочь. Они и их педагоги — это же цвет нации, у которой, к сожалению, ни на что не хватает средств". Ритм жизни не из легких. Как признался маэстро:

он из "Российской газеты". Расстроился, но он меня утешил, сказал, что у них сейчас сложности с выходом. Я ответил: вот и славно, значит, и интервью мое у вас не появится. Правда, эта газета, говорят, уже несколько дней как изменилась.

— В программе "Без ретуши" вы сказали, что дополните свое завещание просьбой: "Если скончаюсь в Париже, положите меня в "Конкорд" и отвезите в Нью-Йорк. Я хочу приехать в Америку на два часа раньше, чем умер".

— Это была шутка. Как раз в русло нашего разговора. Я хотел показать, чего достиг технический прогресс.

— Тогда скажите, как бы это...

— А, понял! Вы думаете, где бы меня похоронить! (Смеется.) В России, только в России.

— Вы близко знали Шостаковича, Прокофьева, Гилельса... Грустно жить, когда столько друзей уже нет?

— Знаете, жить не грустно, если объясняешь и продол-

сейчас интересно сделать в музыке. Буду выпускать три премьеры новых для себя опер. Одна выйдет во Франции. Она написана американской композиторшей на сюжет из жизни Эдгара По. Другой спектакль, по мотивам набоковской "Лолиты", родился в Стокгольме. Автор — Родион Шедрин. И, наконец, в 1996 году в Вене пройдет третья опера, сочиненная Альфредом Шнитке о жизни средневекового итальянского композитора. Кроме того, состоятся пять премьер концертов для виолончели. Естественно, оставаясь руководителем Вашингтонского оркестра, я бы всего этого не осуществил.

А закончить все к 1997 году я хочу для того, чтобы затем чаще бывать в России. И делать что-то для своего Отечества.

Я вспоминаю, как во время войны я замерзал в Оренбурге, ко мне пришли незнакомые люди и принесли "буржуйку". А наутро кто-то положил у двери вязанку дров. Вот это и есть старая Россия, которой я всегда буду обязан и все равно не оплачу своего долга.

ценной. — Вам нравится сегодняшняя Москва? — За два последних года она стала намного лучше. Прежде всего улицы стали чище, да и дороги начали ремонтировать. Есть прекрасные здания восстановленных церквей и особняков. А вот в Петербурге можно просто любоваться целыми кварталами. Он вновь начинает обретать вид Северной Пальмиры. — За столько лет жизни в США ваш менталитет хоть немного американизировался? — Нет. Общность языка — великое дело. Я до сих пор в совершенстве не владею английским. Он не является языком мыслей, моих эмоций. Я всюду говорю по-русски и заставляю делать то же пятерых своих внуков. Я слишком люблю Россию. — На каждом концерте вам дарят столько цветов. Вы их кому-то отдаете? — Если уезжаю из города, отдаю. Если нет, то Галина расставляет их в вазы, которых у нас в доме всегда множество.

Я ЖИВУ В САМОЛЕТЕ

не понимали. Сейчас я их тоже "размораживаю". Уже был в Чехословакии, в следующем декабре еду в Будапешт, а потом на шестидесятилетие композитора Пендеревского — в Варшаву.

Поэтому что значит — быть?.. В гостинице утром я хожу в ресторан, поскольку не люблю, когда подают в комнату холодную еду. Затем, как правило, репетирую, обедаю. (Мне сообщили по секрету, что любимое кушанье Мстислава Леопольдовича... "докторская" колбаса. Каждый свой визит в Россию он обязательно сопровождает отвеждением этого лакомства. — М.М.) У меня нет каких-то специальных слуг, и виолончель я, в отличие от некоторых музыкантов, таскаю сам.

— Почему во время многочисленных посещений различных школ, организаций и презентаций вы появляетесь в основном без супруги?

— У нее есть свои дела. Она занята в Москве Фондом помощи пожилым артистам Большого театра. У нее остались здесь подруги, с которыми ей хочется повидаться. Если бы мы все делали вместе, у нас мало на что хватило бы времени. Галина иногда бывает на меня в претензии за то, что я не хожу с ней к ее многочисленным подругам, но, отправившись туда, я не попадаю в ту же музыкальную школу, а мне это нужно.

— В таком случае у вас, наверное, часто возникают домашние ссоры?

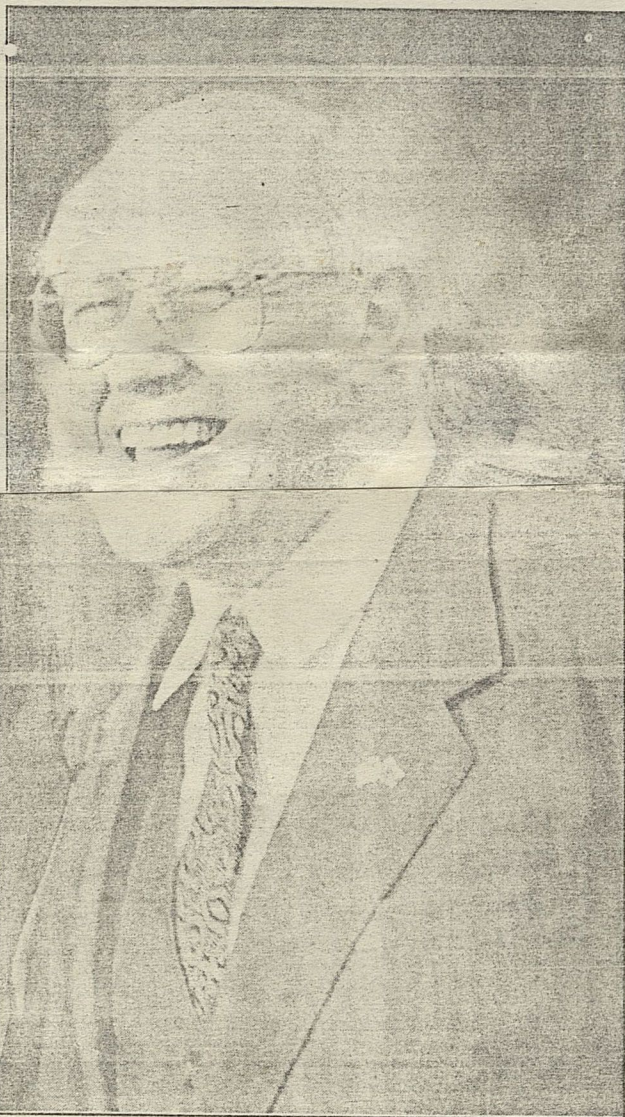
— Нет, почему? А разве вы свою жену всегда берете с собой? (Смеется.) Мы продолжаем заниматься профессиональными делами. У меня завтра и послезавтра мастер-класс в консерватории, а с утра я должен в патриархии встретиться с владыкой Кириллом — к моей жене ничего из этого отношения не имеет. Зато пообедать к Ролану Быкову мы отправились вместе, так же, как и на шестидесятилетие Марка Захарова.

— Кстати, Мстислав Леопольдович, вы же приобрели в Америке триста гектаров земли, точнее деревню. И назвали ее...

— "Галино" — в честь жены. Это скорее не деревня — поместье.

— Вы решили обзавестись личным именем?

— Решил. Но из-за обилия

работы практически в нем не бываю. Впрочем, там есть управляющий, охрана и т. п.

— У вас там, часом, не крепостное право?

— Ха-ха... Это при моих-то демократических взглядах?

— Когда я подошел к вам и назвал издание, которое представляю, вы воскликнули: "А, "Курьер"! Хорошая газета, демократическая". А если бы с просьбой интервью к вам обратились работники коммунистической прессы?

— Я бы отказал. Они все равно его не напечатают. И потом, их же, слава Богу, закрыли. (Смеется.) У меня такой случай произошел только что в Нижнем. Ответил я на вопросы какого-то корреспондента, а потом узнал, что

жаешь то, что они считали правильным, во что верили. Я помню, что говорил страдающий Шостакович, страдающий Прокофьев. Они мечтали о времени, когда бездарные коммунистические политики перестанут учить композиторов музыке, когда сочинение диссонанса не будет считаться антинародным. Такое время настало, и я должен жить сегодня и за них.

— В этом году вы заканчиваете работу с Вашингтонским национальным симфоническим оркестром. Но, как известно, контракты удерживают вас в плотном рабочем графике аж до 1997 года. Можно о них поподробнее?

— Я взял себе все, что мне

Я сейчас не в том положении, чтобы просить о помощи, но знаю, что многие люди здесь находятся примерно в том же состоянии, что и я, когда умер мой отец и я голодал в оренбургском тылу.

Недавно я был в этом городе и видел, как прекрасные люди за бесценок играют в местном драмтеатре, сохраняя частицы нашей культуры. Они не уходят в какие-нибудь полукриминальные фирмы, а продолжают дело, на которое сподвиг их Бог. Вот им я и должен помочь.

— В нынешний приезд вам удалось за короткий срок выступить и на Красной площади, и в Большом театре, и в консерватории. Что оставило наибольшее впечатление?

— Красная площадь! — Вы почувствовали тот отклик, который хотели?

— Да-да, во мне с самого начала присутствовало ощущение священника. Тот находится между Богом и прихожанами, а я был между композитором, русской культурой и россиянами.

Накануне этого кровавого воскресенья в настроении масс уже было что-то гнетущее, тревожное. Да еще из средств массовой информации неслись оценки, что все делают что-то не то и не так. Мне захотелось объединить людей. Объединить их в одной вере, исполнив произведения гениального представителя нашего народа. Хотелось, чтобы россияне поверили в своих гениев.

Мне кто-то сказал: "Но вы же играете "Въезд Невского во Псков" и "1812 год" — это все какая-то милитаризованная музыка". Я согласился, но пояснил, что эти произведения воспевают не захват, а освобождение. Изгнание врагов со своей земли. И в последующее воскресенье мы тоже освободились, правда могли бы меньшей

— Вас трудно уговорить на какой-либо визит?

— Легко. Если у меня есть время. Но дело в том, что каждый день у меня расписан. С восьми до десяти утра я все делаю вовремя, а дальше начинаю опаздывать и извиняться, потому что кругом задерживаюсь. Вот и сейчас мы с вами едем, а я уже готовлю очередное извинение.

— Я знаю, что из Москвы вы едете в Париж. Сколько вы пробудете там и когда вас снова ждёт в России?

— В Париже я буду три дня. А уже 17-го прилечу в Петербург, где дам мастер-класс. 22-го состоится презентация нового фильма о Вишневской. А 2 ноября аналогичный вечер пройдет в Доме кино. Мы тоже будем там присутствовать. Между этими событиями я слетаю в Японию, где император намеревается вручить мне премию.

— У вас огромное количество поклонников в России. Но когда вы покидали эту страну, в ней оставались и ваши недоброжелатели. Вам удалось познакомиться с кем-нибудь из них?

— Нет. Но я давно их ни в чем не обвиняю. И с удовольствием их бы обнял. Я хочу, чтобы элемент накипи и злобы исчез в России.

— Почему во время своих гастролей с оркестром вы останавливались в "Метрополе"?

— Отель частично был спонсором наших концертов. В ином случае я поселился бы дома.

— Если бы в ту тревожную для Москвы октябрьскую ночь вы находились здесь, то откликнулись бы на призыв Гайдара выйти к Моссовету?

— О чем разговор! Я, конечно бы, вышел. Никаких сомнений.

Михаил МАРГОЛИС.

Фирма "ЮНИТЕКС" предлагает

ЗАСЫПНЫЕ СЕЙФЫ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ШКАФЫ

для офиса и дома. Отечественные и импортные. Различные размеры, цвета и системы замков. Доставка со склада в Москве. Шоссе Энтузиастов, 17, ст. м. "Авиамоторная". Тел.: (095) 273-78-77, 273-78-41.

Ростропович М.

15.10.93